

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27
УДК 327.83(045)

Освещение «дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам, связанным с международной реакцией на смерть российского аудитора Сергея Магнитского и последующими действиями заинтересованных стран, изменением образа России и российской действительности в медийном пространстве иностранных государств. Целью исследования является оценка «дела Магнитского» в рамках концепции информационной войны, что будет реализовываться через изучение наиболее значимых обстоятельств, повлиявших на освещение расследования, и сопоставление рассматриваемых событий с другими резонансными «делами», которые также принято относить к проявлениям информационной войны. «Дело Магнитского», проходившее параллельно с периодом потепления в отношениях между Россией и США, именуемое «перезагрузкой», оказалось индикатором, свидетельствующим о наличии фундаментальных противоречий между странами Запада и Российской Федерацией. При этом как российские, так и иностранные СМИ разделились на две условные группы, преимущественно освещающая один из компонентов рассматриваемых событий: права человека и коррупция в России или иностранное происхождение бизнес-структур, связанных с Магнитским. Характер взаимных ограничительных мер, известных как «закон Магнитского» и «закон Димы Яковлева», подчеркнул, что противоречия между сторонами носят не только политический, но и более глубокий идеологический аспект. «Дело Магнитского» позволило оценить потенциал отношений между Россией и иностранными государствами, способность партнеров идти на компромисс и адекватно подходить к проблемам в межгосударственных отношениях. В рамках исследования выявляются закономерности, приведшие к росту международной напряженности, с опорой на события десятилетней давности, которые, как видится, представляют существенный интерес для понимания текущей ситуации в мире. **Ключевые слова:** дело Магнитского; информационная война; международные отношения; Россия; США; СМИ; демократия; права человека

Для цитирования: Зубов В.В. Освещение «Дела Магнитского»: анализ восприятия российской повестки через призму информационной войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):21-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27

ORIGINAL PAPER

Narrative of the Magnitsky Case: Analysis of the Perception of the Russian Agenda Through the Prism of Information Warfare

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The article discusses the issues related to the international reaction to the death of the Russian auditor Sergei Magnitsky and the subsequent actions of the countries concerned. The author paid particular attention to the changing image of Russia and the perception of the Russian reality in the media space of foreign countries. The purpose of the study is to evaluate the Magnitsky affair within the framework of the concept of information warfare. It should be realised through the study of the most significant circumstances that influenced the coverage of the investigation and comparison of

considered events with other resonant “cases” that are also commonly referred to as manifestations of the information war. The Magnitsky affair, which was on agenda parallel with the period of warming in relations between Russia and the United States, referred to as the ‘reset’, turned out to be an indicator of the existence of fundamental contradictions between the countries of the West and the Russian Federation. At the same time, mass media, both Russian and of other countries, were divided into two groups, covering mainly one of the components of the events in question: human rights and corruption in Russia or foreign origins of business structures related to Magnitsky. The nature of restrictive mutual measures, known as the “Magnitsky Law” and “Dima Yakovlev Law”, emphasised that the contradictions between the parties have not only a political, but also a deeper ideological aspect. The Magnitsky affair allowed assessing the potential of relations between Russia and foreign states, the ability of partners to compromise and to adequately approach problems in interstate relations. The study identifies patterns that led to an increase in international tension, based on the events of a decade ago, which seem to be of considerable interest in understanding the current situation in the world.

Keywords: Magnitsky affair; information warfare; international relations; Russia; the USA; mass media; democracy; human rights

For citation: Zubov V.V. Narrative of the Magnitsky Case: Analysis of the perception of the Russian agenda through the prism of information warfare. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):21-27. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-21-27

Анализ международных конфликтов, происходивших на протяжении последних 30 лет, позволил выявить новые методы, используемые как для воздействия на людей, находящихся в зоне противостояния, так и для формирования общественного мнения в странах, не являющихся участниками конфликта. Существенное развитие технологий пропаганды, а также появление технических средств, позволивших значительно ускорить передачу информации и расширить потенциальную аудиторию, дали возможность объединить совокупное применение вышеуказанных методов внутри концепции информационной войны. Данный термин, получивший широкое употребление после проведения операции «Буря в Пустыне», изначально применялся скорее в контексте военных технологий (подавление средств связи противника и анализ информации о его ресурсах, проводящийся при помощи специальных средств, находящихся на вооружении у американской армии). Это во многом отличается от определений, уклон которых в российской политической науке сместился в сторону пропагандистского воздействия на сознание человека через средства массовой информации, сохраняя при этом военно-техническую (информационно-техническую) составляющую термина [1, 2].

Очевидно, что возможности для манипуляции коллективным сознанием в рамках информационной войны присутствуют у ограниченного круга субъектов: государства (квазигосударственных образований), вла-

дельцев крупнейших изданий, журналистских объединений. Представляется, что соотношение государственного и частного влияния в данном случае зависит от конкретной страны, а именно от гласных (формальных) и негласных (традиции, конъюнктура и т.д.) ограничений, действующих в ее медиапространстве.

На основании вышеназванных характеристик применительно к «делу Магнитского» следует исследовать несколько ключевых аспектов (вопросов), изучение которых поможет определить место рассматриваемых событий в концепции информационной войны:

1. Использовалось ли противостояние инвестиционного фонда Hermitage Capital Management и российских властей для информационной войны заинтересованными сторонами?

2. Являлся ли арест Сергея Магнитского актом информационной войны (т.е. был произведен с целью воздействовать на сознание людских масс)?

3. Была ли заранее просчитана смерть Сергея Магнитского (в контексте ныне популярного термина «сакральная жертва», применяемого некоторой частью российского журналистского сообщества к смертям, имеющим политический подтекст) (<https://rusplt.ru/society/sakralnaya-jertva-34268.html>)?

4. Была ли впоследствии использована смерть Сергея Магнитского как характерный для методов информационной войны инструмент для давления и манипуляции?

Отвечая на эти вопросы, необходимо разобратить фактическую сторону, т.е. события,

предшествовавшие аресту Магнитского, его пребывание под арестом, а также реакцию на его смерть как российских и иностранных СМИ, так и официальных государственных лиц.

Рассматривая «дело Магнитского» как фактор, в том числе повлиявший на изменение ракурса, под которым российская общественно-политическая жизнь представала в глазах иностранцев, следует обратиться к международной конъюнктуре конца нулевых годов, фокусируя свое внимание на России. После Мюнхенской речи Владимира Путина и «пятидневной войны» в августе 2008 г. в отношениях России и США наступило заметное похолодание, что отчасти компенсировалось положением Буша-младшего, находившегося в статусе «хромой утки», которое не позволяло ему перейти к активным действиям в отношении Российской Федерации для противодействия ее новому курсу во внутренней и внешней политике. Избрание президентом США Барака Обамы, который воспринимался как дружественный России политик, внушало сдержанный оптимизм как у некоторых американских изданий (<https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2009/0126/p09s01-coor.html>), так и у большинства российских [3], (<https://rg.ru/2009/04/03/gorbachev.html>). Однако следует отметить, что расширение сотрудничества России и США в контексте политики «перезагрузки», официально начавшейся в марте 2009 г., предполагало взаимодействие преимущественно в международной сфере (борьба с терроризмом, сокращение наступательных вооружений). Поэтому официальная риторика западных стран по отношению к уровню коррупции и ущемлению прав человека в России изменилась незначительно, что в полной мере относится и к международным организациям.

Постепенное изменение российской внешней и внутренней политики в начале 2000-х гг. вызвало негативную реакцию со стороны общественных деятелей, активно участвующих в жизни постсоветских стран. Очевидно, что «цветные революции», произошедшие в странах СНГ, поддержку которым оказывали иностранные организации (наиболее известной из которых стал Фонд Сороса), привели к тому, что российское руководство стало относиться с настороженностью к иностранному участию в общественной, а тем более политиче-

ской жизни страны. Инвестиционный фонд Hermitage Capital Management, основанный в 1996 г. и возглавляемый Уильямом Браудером, являлся активным участником корпоративных споров в первой половине 2000-х гг. Позиция Hermitage Capital Management и лично Уильяма Браудера, как представляется, зачастую могла не совпадать с социально ориентированной политикой российского правительства, что неизбежно приводило к недопониманию.

Крайне рискованным выглядело стремление фонда защитить свои позиции в крупнейших российских компаниях, представляющих для государства стратегический интерес: агрессивное лоббирование своих интересов в ОАО «Газпром» (<https://www.kommersant.ru/doc/326562>) и попытка получить контроль над Сбербанком в 2003 г., переросшая в полноценное противостояние с управляющим делами президента РФ Сергеем Ковалевым, который в июне 2003 г. не был избран в Наблюдательный совет банка (<https://www.kommersant.ru/doc/392133>). Данные действия были восприняты российским руководством негативно, что выражалось в попытках избавиться от контролирующего влияния миноритарных акционеров Сбербанка, часть из которых представляла интересы иностранных компаний. Арест Михаила Ходорковского 25 октября 2003 г. подчеркнул жесткое отношение государства к инвестиционной политике, которой придерживались многие фонды, в том числе и Hermitage Capital Management. При этом Уильям Браудер выражал желание остаться на российском рынке, заявляя о привлекательности России для иностранных инвесторов и выразив поддержку Владимиру Путину в борьбе с нефтяной компанией «ЮКОС», принадлежавшей Михаилу Ходорковскому (<https://www.kommersant.ru/doc/638938>). Несмотря на это, в ноябре 2005 г. Браудер не был допущен на территорию Российской Федерации после трехчасового ожидания (пятнадцатичасового, по словам Браудера (<https://snob.ru/magazine/entry/36099>)) в Шереметьево [4]. Можно отметить, что данный факт был признан Браудером только в марте 2006 г., т.е. заявление в поддержку борьбы российского государства с М. Ходорковским было сделано после проблем, с которыми инвестор столкнулся при прохождении границы России.

После этого конфликт между российскими государственными структурами и Hermitage

Capital Management во многом перешел в политическую плоскость, что было отмечено в самом начале расследования, инициированного управлением по налоговым преступлениям ГУВД г. Москвы и направленного против руководства Фонда и сотрудников аффилированных с ним компаний, которое было начато в мае-июне 2007 г. Указывалось, что российские власти были недовольны «участием западных хедж-фондов в работе на российском рынке». При этом жесткую позицию российского руководства по отношению к некоторым иностранным инвесторам не следует воспринимать как стремление к самоизоляции и недопущению иностранного капитала на территорию страны, что подтверждается масштабными проектами с иностранным участием, реализованными в середине 2000-х гг. и официальной позицией власти, выраженной Владимиром Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2005 г. (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>).

Тезисы, высказанные Путиным, важны для понимания сути «дела Магнитского», вызвавшего серьезное недовольство со стороны западных стран: «Россия крайне заинтересована в масштабном притоке частных, в том числе иностранных, инвестиций. Это наш стратегический выбор и стратегический подход» и «... пора четко определить те сферы экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного, капитала». В данном случае очевидно стремление к проведению протекционистской политики в отношении отдельных секторов экономики, сочетающееся с желанием привлечь дополнительные иностранные инвестиции. Приведенная позиция не устраивала многих авторов в странах Запада, имевших свое представление о рыночных ограничениях и критиковавших российскую политику протекционизма не только в стратегически важных, по их мнению, сферах.

В рамках следственных действий, начавшихся в мае 2007 г. в связи с возбуждением уголовных дел о неуплате налогов рядом российских организаций, принадлежащих Hermitage Capital Management, 24 ноября 2008 г. был арестован аудитор Сергей Магнитский. Магнитский являлся управляющим партнером консал-

тинговой компании Firestone Dunken и был охарактеризован представителем Hermitage в ответ на запрос «Коммерсанта» как «высококвалифицированный специалист в области корпоративного права и налогообложения, консультирующий большое количество международных и российских компаний, включая российские компании фонда Hermitage» [5] (в части СМИ при освещении «дела Магнитского» наблюдалась путаница при наименовании как его профессии (юрист/аудитор), так и сферы деятельности Firestone Duncan). Для рассмотрения проблематики статьи наибольший интерес будут представлять не фактические обстоятельства дела и позиции сторон, а те ракурсы, под которыми освещались данные события, что позволит оценить разные модели восприятия российской повестки.

Внимание к фигуре Сергея Магнитского и его содержанию под арестом до его смерти 16 ноября 2009 г. было привлечено в рамках дела фонда Hermitage, которое освещалось преимущественно иностранными [6] или российскими оппозиционными (нейтральными) СМИ [7, 8]. При этом основной упор был сделан на расследование (документальный фильм был размещен Hermitage в интернете, <https://www.youtube.com/watch?v=JW0AnZLScg&t=6s>), проводимое Фондом в отношении денежных средств, которые, по его заявлению, были похищены из бюджета Российской Федерации. «Коммерсантъ» в своей статье «Аудитору продлили заключение: обвиняемый по делу Hermitage Capital остается под стражей» обращает внимание на состояние здоровья Магнитского и тяжелые условия его заключения, которые, однако, не находились в центре внимания до его смерти.

Сообщения о смерти Сергея Магнитского стали появляться 17 ноября 2009 г. (<https://www.interfax.ru/russia/110496>, <https://www.kommersant.ru/doc/1276448>), однако развернутые статьи стали появляться 18–19 ноября, среди которых стоит отметить материалы «Новой газеты», опубликовавшей у себя дневники Сергея Магнитского [9]. Внимание СМИ сфокусировалось на многочисленных проблемах уголовно-исполнительной системы России, что также было поддержано российскими властями и лично Президентом Медведевым, поручившим проверить обстоятельства смерти Магнитского (<https://lenta.ru/>

news/2009/11/24/errand/). В 2009 г. иностранные СМИ проявили ограниченный интерес к «делу Магнитского», преимущественно описывая обстоятельства произошедшего [10].

Однако ракурс освещения «дела Магнитского» изменился весной 2009 г., когда официальные лица США обратили повышенное внимание на данные события, что выразилось в предложении сенатора Бенджамина Кардина о введении запрета на получение американских виз для граждан России, которые, по мнению США, были причастны к смерти Магнитского. Также в конце мая Барак Обама выразил соболезнования семье Сергея Магнитского через Майкла Макфола (<https://echo.msk.ru/news/683415-echo.html>). На протяжении последующих месяцев смерть Магнитского стала рассматриваться западными СМИ и официальными лицами как символ поспешности политики «перезагрузки» [11] и повод для включения вопросов о коррупции и правах человека в предмет переговоров с Россией (<https://www.theguardian.com/politics/2011/sep/12/david-cameron-russia-rebuild-relationship>).

Как представляется, после свержения Каддафи в 2011 г., начала гражданской войны в Сирии и активизации протестного движения в России желание и возможности для улучшения отношений между Россией и странами Запада были исчерпаны. В США был принят акт Магнитского (параллельно с отменой поправки Джексона–Вэника), который фактически стал предшественником санкций, введенных против России в 2014 г. Также ограничительные меры были введены Европейским союзом и некоторыми странами Британского Содружества, в ответ на которые был принят Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»* или «закон Димы Яковлева», вызвавший масштабные дискуссии в российском обществе. При этом международная реакция в странах, не являющихся союзниками США, была не столь однозначной, что подчеркивает существенную разницу в подходах к восприятию внутривнутриполитических

событий, происходящих на территории других государств.

Рассматривая «дело Магнитского», необходимо выделить несколько существенных аспектов, связанных с последствиями, которые последовали в публичном пространстве.

Во-первых, объективно существующие до сегодняшнего времени проблемы с правоохранительной (прежде всего уголовно-исполнительной) системой Российской Федерации остро стояли перед обществом и государством на протяжении всего существования России в ее нынешнем виде. Очевидно, что взаимоотношения со странами Запада не зависели от успешности решения данных проблем. Коррупционированность российских чиновников, с которой, как утверждает, боролся Сергей Магнитский (https://www.washingtonpost.com/opinions/in-mr-bidens-moscow-visit-a-welcome-mention-of-rights/2011/03/11/AB1DwWR_story.html), также не мешала сотрудничеству России и западных стран во многих сферах. Очевидно, что российские СМИ (независимо от их политической ориентации) должны и даже обязаны призывать власть к решению острых проблем подобного рода, однако откровенно запоздалую реакцию иностранных государств и СМИ, требующих ввести ограничительные меры против России, не следует рассматривать буквально. Как видится, в данном случае внешнеполитические претензии стран Запада маскировались под справедливые и разумные требования о решении жизненно важных проблем государства.

Исследовав фактическую сторону дела, следует перейти к ответам на вопросы, которые были поставлены ранее. Очевидно, что новая политика России по отношению к иностранным инвесторам и предпринимателям, предполагавшая более жесткий контроль за их деятельностью в ключевых для государства сферах, не одобрялась западными странами, однако трудности, возникшие у Hermitage Capital Management, не использовались как повод для применения пропагандистских методов, характерных для информационных войн современности. Таким же образом можно ответить на второй и третий вопросы: арест Магнитского не освещался российскими СМИ подробно и не комментировался властями как акт, совершенный ради защиты обороноспособности и суверенитета страны, что типично

* Федеральный закон от 28.12.2012 № 302 «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 53. Ст. 7597.

для противостояния в информационной сфере, начиная со времен крымского кризиса, а запоздалая реакция на смерть Магнитского не позволит нам говорить о том, что его гибель заранее предполагалось использовать для развязывания информационной войны с Россией. При этом ответ на четвертый вопрос, как видится, должен быть положительным, что во многом подтверждается логикой развития «дела Магнитского» и позволяет выделить комплексный характер рассматриваемых событий: освещение Дела, несомненно, стоит оценивать в рамках концепции информационной войны. Однако резкие и категоричные трактовки стоит объяснять не только логикой данной концепции, но и внутривнутриполитическим противостоянием в США, в рамках которого «дело Магнитского» использовалось для саботажа миротворческой деятельности администрации Обамы, которая планировала существенные изменения во внешней политике, не ограничивавшиеся российским направлением.

Представляется, что в данном случае «дело Магнитского» использовалось как повод, позволивший оставить окно для ограничительных мер против России, ставя их отмену в зависимость от степени соблюдения прав и свобод человека на ее территории, для оценки которой проблематично использовать полностью объективные методы. Также в рассматриваемом деле видны глубинные противоречия между подходом российского руководства (которое на протяжении последних двадцати лет пыталось ограничить иностранное влияние и поставить деятельность международных инвесторов в определенные рамки) и подходом стран Запада, для которых желание российской власти сделать иностранных инвесторов менее «токсичными» для самой себя (т.е. исключить их из социальной и политической жизни страны, оставляя для них исключительно экономическую деятельность) было неприемлемо.

Представляется, что Россия изначально не рассматривалась как основная цель при информационной раскрутке «дела Магнитского», однако последующая эскалация отношений между Россией и Западом позволила использовать его во взаимосвязи с остальными событиями, которые можно рассматривать как полноценные акты информационной войны, ведущейся обеими сторонами. Как видится,

такие знаковые события, как «дело Надежды Савченко», отравление Скрипалей, инцидент в Керченском проливе, развивались в логике концепции информационной войны в большей степени, нежели «дело Магнитского». Так, например, процесс над Савченко, проводимый в России, изначально носил показательный характер, как пример неотвратимости наказания для лиц, проявляющих агрессию в отношении России и журналистов ВГТРК, но у западных государств и СМИ была иная интерпретация, позволявшая выставить российские действия в невыгодном для страны свете. Иными словами, доля идеологической составляющей была крайне высока (в «деле Магнитского» нельзя выделить подобный антагонизм: обычный российский юрист, арестованный в рамках уголовного дела/жертва российской системы правоохранительных органов и: убийца российских журналистов Савченко/невинно пострадавший боец-военнопленный украинской армии, олицетворяющий беззаконие, творимое Россией на юго-востоке Украины). Обе точки зрения являются взаимоисключающими, что оставляет незначительное пространство для переговоров и повышает ставки в информационном противостоянии, без существенных репутационных потерь из которого сможет выйти только одна сторона.

Можно предположить, что с учетом современных реалий термин «информационная война», до последнего времени являвшийся дискуссионным, примет более определенные черты. Данный процесс, как представляется, будет обусловлен как наработкой шаблонных методов информационного воздействия с использованием современных технологий, так и опытом проведения «боев» информационной войны, чей сценарий развивался по схожим моделям. «Дело Магнитского», на наш взгляд, не может выступать в качестве законченного акта информационной войны (хотя, несомненно, стало фундаментом и обоснованием для последующих пропагандистских конструкций), так как его природа носит комплексный характер, скорость развития событий существенно уступает иным примерам, приведенным в исследовании, а образность, с которой освещаются события, не имеет противоречивости и категоричности, присущей актам информационной войны, активно ведущейся последние несколько лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловей В. Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто. *Российская школа связей с общественностью*. 2015;(6):148–164.
2. Караганов С. А. Как победить в холодной войне. *Россия в глобальной политике*. 2018;(5):102–115.
3. Граник И. Дмитрий Медведев надеется на Барака Обаму в решении проблемы Афганистана. *Коммерсантъ*. 24.01.2009.
4. Бутрин Д. Уильям Браудер признал себя невъездным. *Коммерсантъ*. 20.03.2006.
5. Жеглов А. Аудитом Hermitage занялись основательно. *Коммерсантъ*. 27.11.2008.
6. Philip P. Pan Investment firm dares to push charges of corruption in Russia. *The Washington Post*. 2009. October 19.
7. Соковнин А. Аудитору продлили заключение: обвиняемый по делу Hermitage Capital остается под стражей. *Коммерсантъ*. 16.09.2009.
8. Всеволод Бельченко «В России инвестор рискует свободой». *Огонёк*. 2009;(24):34–35.
9. Гордиенко И. Бутырский кошмар. *Новая газета*. 19.11. 2009.
10. Gregory L. White Russia to Examine Why Prisoner Died. *The Wall Street Journal*. 2009. 25.11.
11. David J. Kramer America's silence makes us complicit in Russia's crimes // *The Washington Post*. 2010. September 20.

REFERENCES

1. Solovey V. D. The Information war and media manipulation: what, why, who. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*. 2015;6:148–164. (In Russ.).
2. Karaganov S. A. How to win the Cold War. *Rossiia v global'noi politike*. 2018;5:102–115. (In Russ.).
3. Granik I. Dmitry Medvedev hopes for Barack Obama in solving the problem of Afghanistan. *Kommersant*. 24.01.2009. (In Russ.).
4. Butrin D. William Browder pleaded banned. *Kommersant*. 20.03.2006. (In Russ.).
5. Zheglov A. Hermitage audit thoroughly engaged. *Kommersant*. 27.11.2008. (In Russ.).
6. Pan Philip P. Investment firm dares to push charges of corruption in Russia. *The Washington Post*. October 19, 2009.
7. Sokovnin A. The report was extended to the auditor: the defendant in the Hermitage Capital case remains in custody. *Kommersant*. 2009.16.09. (In Russ.).
8. Belchenko V. "In Russia, the investor risks freedom". *Ogonek*. 2009;24:34–35. (In Russ.).
9. Gordienko I. Butyrsky nightmare. *Novaya Gazeta*. 19.11.2009. (In Russ.).
10. Gregory L. White Russia to Examine Why Prisoner Died. *The Wall Street Journal*. 25.11.2009.
11. Kramer David J. America's silence makes us complicit in Russian crimes. *The Washington Post*. September 20, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 21.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.